

Три новых книги, на наш взгляд, говорят, что заложена база для того, чтобы отношение россиян к личности и правлению Императора Николая II, к событиям российской катастрофы столетней давности, а также понимание их реальных пружин аргументировано менялось.

«Царь и Россия»

Одним из указанных открытий в мире литературы о них является фундаментальное собрание публицистических, историко-культурных произведений «Царь и Россия. Размышление о Государе Императоре Николае II»¹. Большинство статей сборника, впервые опубликованных в Русском Зарубежье в 1920-1960-х годах, ранее были неизвестны российскому читателю. Редактор сборника Лилия Коротенко ясно обозначает направленность сборника: «доказательное, фактологическое разоблачение чудовищной сатанинской лжи вокруг Государя и его семьи»; его цель — показать пути к осознанию, «почему произошла русская революция», «для чего Господь допустил её. Авторы вынужденно жили вне родины, их сочинения, казалось бы, похоронены в эмигрантской прессе. Собранные воедино, со всем кругом доказательств, свидетельств, документов, они представляют собой мощное поле исторических открытий и прозрений о том, что же на самом деле происходило в стране столетие назад.

Итак, факты. «Надо быть слепым, чтобы не видеть той резкой перемены, которая произошла в состоянии мира после ухода Царя-мученика от власти,.. он переживает невероятный по своей остроте моральный, политический и экономический кризис. Политическая карта мира перекраивается чуть ли не ежегодно. Сотни миллионов людей гибнут от мятежей и войн, от террора и жестокостей властей, от голода. Никакие конституции, никакие парламенты, никакие лиги народов и наций не препятствуют победоносному шествию в мире Зла. Уверенности в безопасности и стабильности завтрашнего дня нигде и ни у кого нет». [Обручев, 6] Подготовкой к убийству Императора была, в частности, систематически организованная клевета на Царскую семью, но вот сколь задолго исподволь она готовилась, и факт, о котором не догадывались читатели советских учебников по истории: Керенского и Ленина «связывали узы личной дружбы, общие революционные убеждения и общая работа по разрушению России»; приход к власти Ленина и Троцкого «был подготовлен и обеспечен именно Керенским, который к тому времени занимал половину всех министерских постов Временного правительства, от которого он получил диктаторские полномочия». Его изворотливая догадка «революция может удался только... во время войны, когда народ вооружен», предопределила следующие действия большевиков, роковые для России. Керенский всеми силами содействовал прибытию известного пломбированного вагона из Германии, везущего Ленина с «товарищами»; в очерке приводится высказывание У. Черчилля: «немецкие вожди употребили самое ужасное из всех оружия. Подобно чумной заразе, они перевезли Ленина в запломбированном вагоне из Швейцарии в Россию». Знаменателен и документ – секретный рапорт начальника Разведывательного отделения Американских экспедиционных сил в Сибири М. Шуйлера своему правительству, сообщающий, что к апрелю 1919 г. только из США в Россию прибыло 264 большевика. И таких документов, откровенно обличающих иностранный экспорт «революции» в Россию, представлен совершенно достаточный для самого объективного историка объем. И вывод: «Керенский в октябре, если бы он только пожелал, мог легко не допустить большевиков к власти», но он «определенно этого не желал» [Обручев, 8,9,10,13]. Доказательно рисуя положительный образ Царя-правителя, Обручев, в частности, приводит данные из исследования Д.И. Менделеева «К познанию России» 1906 г., о том,

¹ «Отчий дом», М., 2017. Составитель П. Белоусов, редактор Л. Коротенко.

Князь
Дмитрий Дмитриевич Оболенский

что прирост населения в ту эпоху составляет 1,81 %, и Россия стоит здесь впереди развитых стран. Автор сопоставляет эту цифру с достаточно благополучным периодом СССР, 1967 г. Цифра прироста оказывается 1,11 %. И в целом количество населения меньше на 125 миллионов, нежели предсказал Менделеев, опираясь на логику дореволюционного благополучного развития России. «Вот «дефицит» в населении России,.. подлинный итог, во что обошлась русскому народу революция и «достижения» советской власти» [Обручев, 81,82]. Как бы ни относиться к системе взглядов автора, но приводимые Обручевым факты отныне становятся достоянием российского читателя.

Публицист князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский в исследовании «Император Николай II и его царствование», с привлечением многочисленных подробностей, последовательно опровергает ложный тезис: «Николай II прекрасный человек, но плохой Царь». Так, в эпоху его правления совершенно исчезает голод, изредка наблюдавшийся до этого в связи с неурожайными годами; совершенна доставка помощи населению, пострадавшего от неурожая; в целом благосостояние народа сильно повышается (так, сумма вкладов в сберегательные кассы с 1894 к 1917 году выросла от

300 млн. рублей до 5 225 млн. рублей!); рост промышленности и торговли (налоги с них увеличиваются в эти годы с 30 млн. рублей – до 150 млн. рублей); выгода от вывоз хлеба за границу перед Первой Мировой составляет до 750 млн. рублей золотом; даже во время войны Россия увеличивала свое производство [Оболенский, 132-134]. Мы коснулись лишь одного аспекта исследований Оболенского. Не менее убедителен он в представлении доказательств улучшения жизни населения России при Николае II и в других аспектах, приглашаем читателя подробнее познакомиться с текстом. Оправданным видится вывод писателя «Революция отбросила Россию на два столетия назад» [Оболенский, 137].

В очерке Николая Алексеевича Павлова «Его Величество Государь Николай II» рассматриваются механизмы клеветы на Государя и демонстрируется их несостоятельность; писатель разворачивает доказательство идеи, как «монархия уживалась с подлинным сельским социализмом», и как невольно стала разрушаться эта целостность при Государе Александре III, который «встал на опасный путь. Одной рукой он дал Витте вводить капитализм, другой думал укрепить против него заставу земельного тягла и общины». Нити разрушения России автор протягивает дальше Керенского, описывая *заговор*, который формируется с 1904 года и «организован придворными, титулованными, с ведома бюрократии»; «победа и слава Царя были *страшны* обществу, рвущемуся к власти над народом» [Павлов, 173, 174, 195, 236]. О том же готовящемся дворцовом перевороте скажет княгиня Вера Лобанова-Ростовская, о прозе которой речь ниже.

Лишь отметим, что в сборнике предлагаются сочинения и система доводов таких интересных мыслителей, как востоковед, генерал-лейтенант Николай Тихменев; офицер Военно-морского флота Австралии, выходец из офицерской белоэмигрантской семьи, историк Георгий Некрасов; сенатор и литератор Петр Стремоухов; упорный и бесстрашный беглец от большевиков, журналист Иван Солоневич. Духовное осмысление русской катастрофы представлены в трудах и проповедях священнослужителей РПЦЗ и РПЦ: святителей Тихона (Беллавина) и Иоанна (Максимовича), архиепископов Аверкия (Таушева) и Серафима (Иванова), митрополита Анастасия (Грибановского), архимандрита Константина (Зайцева) и других достойнейших авторов.

Никогда ранее у российского читателя не бывало в руках такого обширного и разнообразного свода сочинений, стремящихся доказательно и бескорыстно развенчать ложь, столетие насаждаемую вокруг Императора. Мы коснулись лишь малого объема сочинений, вместе собранных в этом

замечательном историческом труде для того, чтобы читатель получил не голословные утверждения или лозунги о положительной роли последнего Императора России, о подлинном смысле октябрьских событий и им предшествовавших, а объективную детальную картину. Предвидя возражения, недоумения по поводу неслыханно «новых» для несведущих, до сих пор «смелых» фактов и документов, скажем. Возражать представленному фонду доказательств, боюсь, возмущаются не ищущие исторической правды, а разве лишь упорствующие в злобе или безотчетно не умеющие вырваться из плена навязанных советских представлений о ходе российской истории столетие назад.

*Президент Франции Жак Ширак
вручает Николаю Васильевичу Вырубову орден*

Русский герой Французского Сопротивления об Императоре Николае I

Рожденные и воспитанные в России, люди разных взглядов и убеждений, оторванные от родины, без малейшей надежды когда-нибудь вернуться, проявляли колоссальное мужество и отдали свои жизни, сражаясь с нацизмом в странах Европы. Подвижничество русских эмигрантов во время Второй мировой войны, этот исторический феномен, к сожалению, ещё не вписан в общий корпус российской истории, но пока является как бы отдельно изучаемым явлением. Героем Французского Сопротивления стал Николай Васильевич Вырубов (1915-2009), потомок древнего русского дворянского рода, ведущего свою историю с XV в. Переживший ужасы гражданской войны в России, «выкупленный» родственниками из большевистской России, он до конца жизни ощущал себя русским и на закате жизни предложил такое соображение парижскому журналисту: «Знаете, за что я невзлюбил большевиков? Нет, не из-за политических или идеологических разногласий, а потому что мне пришлось жить здесь, а не на моей Родине».

Известно, что Генерал де Голль очень ценил русских у себя в войсках, — «десятым добровольцем, записавшимся в Лондоне 18 июня, в день призыва де Голля, был русский: Н.В. Вырубов, геройски проделавший впоследствии все кампании Войск свободной Франции, был тяжело ранен, награжден Крестом освобождения и Военным крестом...» [Алексинский, 91]. Позже Вырубов стал кавалером всех военных орденов Франции. В присутствии президента страны его с почётом отпели в главном католическом соборе Франции — по православному обряду, из уважения к Николаю Васильевичу, ибо он так завещал.

«Я был несколько раз ранен, — говорит Николай Васильевич. — Когда ранен, невольно думаешь, что дело кончено... Конечно, о родине думаешь, но не какая она там советская или большевистская, а просто так... Родина — это та, которой ты принадлежишь, а не которая тебе принадлежит. Если вы принадлежите своей родине и вчера она была монархической, а сегодня ещё какая-нибудь, то это можно любить или не любить, но поделаться с этим ничего нельзя, она останется на всю жизнь. Как мать» [Вырубов, 1993; 110].

Посвященный Н.В. Вырубову сборник **«Русский барин — герой Франции»** увидел свет в Москве в 2017 г. (публикатор Н.Д. Лобанов-Ростовский, племянник героя Сопротивления). Здесь мы находим ценнейшие воспоминания очевидца событий вокруг Императора Николая II (он сын В.В. Вырубова, «товарища», т.е. заместителя министра внутренних дел князя Львова во Временном правительстве), изнутри своей среды осведомленного о многих фактах, до сих пор мало или почти неизвестных историкам¹.

«...во время Октябрьской революции, мой отец служил при Начальнике Штаба Верховного главнокомандующего в Ставке, отвечая за гражданские дела. А когда Ленин отдал приказ генералу Духонину вступить в контакт с немцами для переговоров о перемирии, генерал, ссылаясь на то, что

¹ Участник освобождения. Беседа с Паскалем Майосом. Перевод с франц. Николая Алексеевича Федорова. с. 9–79.

вопрос перемирия имеет гражданское и политическое значение, перенёс на моего отца ответственность за его решение. В результате под отказом, который был сообщен Ленину телеграммой, стояло имя Вырубов, и это будет стоить моему отцу недоброжелательства Ленина: отец оказался одним из первых, вызвавших его гнев» [Вырубов,2017; 11].

Важной нам кажется концепция Н.В. Вырубова *Царь-народ* и описанная им закономерность последствий, когда рухнуло самое основание российской жизни: «Для русского, дворянин он или нет, Царь — это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходит встреча с Императором, крестьянин говорит ему «ты», в то время как другие говорят ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились... Русский — это всегда монархист и в течение столетий жил для Бога и Царя — это какая-то мистика... Крестьянин говорит «ты» своему землевладельцу, но не его знакомцам, приходящим к нему в гости, не всем людям; «ты» — своему хозяину, и «ты» — Царю, потому что он воспринимает его в какой-то мере как отца. Русский разделяет понятие «Царь» и понятие «государство», как он разделяет понятия «Бог» и «Церковь». Это очень важная личная преданность, но, как показывает само слово, преданность личности по отношению к личности, и может относиться только к личности, а вовсе не к институциям» [Вырубов,2017; 28]. Указывая на либеральные принципы отца, Н.В. Вырубов утверждает, что и эта «крайне западная» группа аристократии не видела Россию вне монархии, пусть и модернизированной: «Мой отец был либеральных воззрений, хотя я терпеть не могу это слово, поскольку за ним может скрываться всё, что угодно, и оно может ни о чем не говорить. Князь Львов также имел либеральные воззрения. Живя в стране, находящейся под властью абсолютной монархии, они думали не о революции, а о конституционной монархии, такого типа, какой существует в Великобритании — с парламентом и выборами» [Вырубов,2017;17].

Характеризуя фигуру Керенского, Н.В. Вырубов отмечает то важнейшее и отрицательно сказавшееся свойство, мимо которого прошло множество исследователей: «С приходом Керенского Алексеев не захотел быть Главнокомандующим, поскольку фигуру Керенского очень плохо воспринимали, главным образом, военные. Керенский — социалист-революционер, который *не был представителем какой-либо среды*. Отец его был учителем, дедушка — священник-расстрига. Таким образом, в глазах русских он не принадлежал никакой конкретной среде. Он был умён, образован, он был адвокатом и хитрецом; он был одержим политикой, и политика вознесла его... Так как Керенский не принадлежал никакой среде, он, увлекшись социализмом, отправился во Францию как адвокат по политическим делам и приобрёл друзей из французской социалистической партии. Во Франции по традиции социалисты принадлежали масонской ложе Великого Востока. Они побудили Керенского развивать в России это учение, которое абсолютно не соответствовало русскому менталитету» [Вырубов, 2017;18, 23].

Колоссальный кризис России, парализовавший все властные структуры и расчистивший дорогу большевикам, полагает Н.В. Вырубов, случился от того, что вне логики деятельности Императора в России логика действия любых властных органов бессмысленна и абсурдна: «В день отречения Императора обрушивается именно система... Больше нет никого, буквально никого, поскольку правительство, которое назначил Император, распадается. Никого больше нет потому, что Император отрёкся. Всё государственное устройство, которое строилось на принципе монархизма, исчезает вместе с монархом. Политическая деятельность, находящаяся в полной беспомощности, в разгар кризиса доказывает свою неспособность. Утрачивается доверие к управлению. Что такое это Временное правительство? Временное правительство — это некоторое количество депутатов Думы, которые говорят: «ну, надо же, чтобы кто-то отдавал приказы», — и они привлекают людей, до сих пор непричастных к управлению государством... И с этого момента нет больше власти в России. Эта огромная государственная машина с армией, с полицией — без управления... недостает главного элемента — Царя. Временное правительство состояло из пятнадцати гражданских лиц, абсолютно неизвестных стране. Князь Львов... управляет группой гражданских лиц и просит их помочь ему восстановить порядок, остановить революцию, от имени кого? от имени чего? Умирать во имя этого нелегко. У целой нации произошла утрата интереса к властям, тем более что революция 1905 года совершалась не против монарха, а против властей. Следовательно, нужно было раскалить добела людей против власти. Итак, временное правительство — власть наличествует, но не имеет никакого влияния... Страна была ещё монархической... в то время как временное

правительство никоим образом не соотносилось с этой системой. Следовательно, преданности к Временному правительству не возникает» [Вырубов, 2017; 25,26, 28].

Путем таких рассуждений Н.В. Вырубов делает свой логически вытекающий вывод о том, почему революция «расползлась» и укрепилась в недавно монархической России: «Император кристаллизировал в своей личности все национальные устремления. Это символично. Русское дворянство не ощущало себя участником в деятельности власти и в делах государства. Оно видело в монархе гаранта своего благосостояния и идентифицировало его с народом, а не с государством. После отречения общество не сумело перенести свой настрой верности Царю на Временное правительство. В момент кризиса правящего класса обнаружилось его полное безразличие. Главная причина успеха революции — решительность одних и инертность других» [Вырубов, 2017; 27].

Существенный вопрос Н.В. Вырубов для себя оставляет нерешаемым: почему «ни одно подразделение этой огромной монархической регулярной армии, со всем, что включает в себя это понятие и что Вы могли прочесть о ней, не стремилось отправиться в Царское Село, вызволить Царя и его семью и перевести их в леса Финляндии» [Вырубов, 2017; 33]. Отчасти предлагает следующее объяснение: «Император совершенно изолирован своим окружением, которое, в свою очередь, тоже изолировано и хочет спасти себя, когда он внезапно уходит со сцены» [Вырубов, 2017; 34].

Н.В. Вырубому удалось по-своему живописать сложность и противоречивость успеха и власти Распутина при дворе: «Распутин, если попытаться рассмотреть его беспристрастно, не был плохим человеком, и если бы его не убили, он, может быть, смог бы повлиять на Императора в пользу окончания войны... Убийство Распутина... это сведение счетов внутри двора, но скажем даже, и внутри российского общества. Люди были очень возмущены поведением Распутина. Я был знаком с людьми, видевшими его, и они говорили, что это было отвратительное существо. Многие из них были потрясены, что этот бородатый омерзительный мужик, неряшливо жрущий и много пьющий — советник Императрицы, она же сама — советница Императора. Юсупов, большой эстет, человек очень красивый, даже женственный, должен был страдать больше, чем кто бы то ни было, общаясь с ним. По сути, Распутин запятнал собою двор. По-моему, именно это было существенно». Вырубов выделяет главную причину устойчивого положения Распутина при дворе, столь его компрометирующего: «Можно говорить о том, что поначалу именно болезнь ребенка заставила Императрицу искать любые средства, как его вылечить. Живя в совершенно искусственном мире, без контактов с нормальными людьми и с реальной жизнью, она очень откликнулась на то, что кто-то мог бы спасти сына. Я полагаю, можно сказать, что это — именно то, из чего вытекает всё остальное...». Отмечен и другой аспект, «народность», которая присутствовала необходимым элементом при дворе, и носителем которой воспринимался Распутин: «Но, есть ещё другое. Императрица — мистик. Её окружение, Анна Вырубова в том числе, мистики. Всем известно, в России были странники, обычно простые люди, ходившие из деревни в деревню и носившие на шее некий ящичек, в который народ клал пожертвования на Церковь. Когда они останавливались, люди выходили, давали им кусок хлеба. Они нигде не квартировали. Это были, обычно, пожилые люди с длинными волосами и большими бородами. Этих людей, в сущности, чтит как Божьих посланцев. Не следует забывать, что любое русское общество — когда я говорю об обществе, я подразумеваю русское дворянство — всегда принимало к себе крестьянок... Эта няня — представительница народа. Необходимо, чтобы в каждой семье, даже в больших русских семьях, которые живут с множеством домочадцев, помня о традициях и этикете, необходимо, чтобы жил человек из народа. Эта женщина знает сказки, рассказывает о крестьянских обычаях, говорит, как выращивать овощи, как собирать яблоки или грибы. В конце концов, она знает всё, что знают крестьяне. В русской литературе няня является ключевой фигурой... Для двора и Императорской семьи Распутин символизирует присутствие народа во дворце... В России существует две формы обращения детей к отцу и матери. Люди, скажем, моего положения говорят отцу и матери: мамá и папá, — не склоняя это слово... В то время, как крестьяне говорят мáма и пáпа, склоняя эти слова... И вот, я обнаружил, что дети Императора называли своих родителей как крестьяне, а не как в высшем обществе. Это мелочь, но показывает, что в русской жизни, в русской литературе ещё есть потребность прислушиваться к народной речи. Я считаю, что эту народность представлял Распутин» [Вырубов, 2017; 34-37].

Книга ныне готовится к публикации, журнал «Берега» 2018 год посвящает публикации её фрагментов¹. Повторим, что княгиня Вера Дмитриевна, как и другие «Оптины дети», т.е. духовные чада Оптинских старцев, благодаря постоянной духовной практике и перенесённым страданиям, предчувствовала и ощущала близость обрыва русской культуры. Читаем:

«Пугачёвщина не изжита и воскресает с ужасающей силой» (Гл. 20).

Княгиня предлагает читателю свое видение причин роковых событий:

«Подполье напрягало все усилия, чтобы приблизить катастрофу: подкапывало, расшатывало и подпирало устои нашего отечества, толкая его в страшную пропасть... *Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года... готовился дворцовый переворот, а потому, боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою февральскую «бескровную» революцию, затопив в крови и двор, и всю Россию.* Таким образом, то, что было произведено два года спустя кучкою отбросов и палачей в Екатеринбурге, было лишь следствием окончательного разрыва общества со своим Государем в шестнадцатом году. Я шаг за шагом следила, в бессильном оцепенении, за этой трагедией. Раздражение было сильнее, смена министров стала уже почти неприличным явлением, нервозность обеих сторон была максимальная, сдержанная у Государя и не сдерживаемая в обществе. Духовный разрыв Петрограда с престолом произошёл окончательно, а репрессии после смерти Распутина ещё сильнее распалили страсти» (Гл. 8; *курсив мой – Е.Ф.*).

В постоянном соприкосновении с Оптинскими старцами автор вырабатывает осмысление роли Григория Распутина как «*карикатуру на старчество*», «подделку», не распознав которую Дом Романовых понес роковые потери, и это не могло не отразиться на всем ходе российской катастрофы. Анализ существа и действий Распутина представлен Верой Дмитриевной читателю как бы изнутри понимаемого русского старчества.

Оптинские старцы и на расстоянии мысленно поддерживают и направляют княгиню. А жизнь, как будто оценив могучую натуру русской женщины, испытывает её, кажется, всевозможными испытаниями, и большими и мелкими (но оттого не менее ужасными), всеми видами человеческой злобы. Неумело утопленный на её глазах котенок, которого она спасает, вылечивает, а соседи позже выбрасывают из окна; злобно вырванные цветы, которые посадил её младший сын, лишённый всех радостей, необходимых в детстве. Это ранит навсегда. Но это не тот ужас, который она переживала в течение 1919-1920 гг. в Одессе в разгар красного террора и который может лишить человека рассудка. В особняке, где Вера Дмитриевна живёт с детьми и старой матерью, ежедневно расстреливают людей:

«Я ходила две недели по человеческой крови, мои подошвы туфель и каблуки были окрашены в красный цвет...» (Гл. 25).

Бежать, чтобы выжить. Для огромного количества русских людей это стало вынужденным путем спасения. И им был «горек хлеб чужбины», и Россия потеряла своих сыновей и дочерей, а также их потомство. Как известно, последствия этой потери сказываются и сегодня. Вот итог активизации негативных сил общества, где действовало «подполье», и предатели при Дворе последнего Императора, и Распутин. Лавина зла прорвала плотину, всему укладу российской жизни был нанесён чудовищный удар. По образному выражению автора:

«Направо огонь, налево вода, впереди стена, а сзади пропасть» (Гл. 24).

Имена многих реальных исторических фигур зашифрованы псевдонимами, условные наименования даны и основным местам действия документального романа. Вера Дмитриевна следовала этому правилу там, где боялась принести невольный вред своим героям. Начало возможной исследовательской работы в этом направлении положено консультантом готовящегося издания. После долгих поисков и сопоставлений восстановлена топография имения «Захарино». Реальное место действия романа — село Лобаново Ефремовского уезда Тульской губернии. Убедительно дешифровано имя Иван Иванович Бунев — это писатель Иван Алексеевич Бунин, как известно, любивший посещать Лобаново, близкий приятель князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, мужа героини. А также восстановлено имя Дмитрия Дмитриевича Хрустова — это Евгений Дмитриевич Хлюстин (1880-1952), посвятим ему несколько строк. Потомок князей Горчаковых, предводитель дворянства

¹ «Берега», 2018, № 2 (26), Калининград, с. 128-160; 2018 № 3(27), с. 128-148.

Ефремовского уезда в 1912–1916 гг. Деятельный благотворитель, во время I Мировой войны «открыл в Ефремове два лазарета для раненых, снабжал армию продовольствием и обмундированием». В гражданскую — «в Добровольческой армии участвовал в продовольственном комитете». Эмигрировал в Югославию, служил в министерстве финансов. Умер, как и многие эмигранты в Старческом доме¹. Полагаем, что и под другими вымышленными именами скрыты значительные фигуры российской истории. Следовательно, в дальнейшем в сопоставлении с имеющимися историческими данными возможно исследование и установление и других персонажей, о которых повествуется в романе. Важно, что автором в Предисловии указано: подлинные имена отмечены звездочкой. Очевидно, роман откроет нам ещё много тайн, занесённых песками истории.

Подобно конкретным судьбам казаков «Тихого Дона», которые вырастают в символические образы эпохи, такого же эффекта достигают и истории жизни молодых князей, сыновей писательницы, попавших в круговорот «кровавой бойни». Подлинное имя князя Никиты Ивановича Лобанова-Ростовского сохранено в романе, поскольку ко времени написания текста его уже не было на этом свете. Белый офицер Никита неоднократно спасался там, где, казалось, спасение невозможно, благодаря личному мужеству, чуду, молитвам родных. Но спасение оказалось лишь «отсрочкой», последствия гражданской войны догнали его три года спустя, оборвав его молодую жизнь.

«Три года он провёл в кровавой бане, многократно был ранен, несколько раз находился в плену у большевиков, столько же раз стоял у «стенки» и, хотя каждый раз и бывал чудесно спасаем, но потрясений всё же не избежал. Болел он и сыпным тифом; ещё не долеченный, пошёл в бой, страдал последствием отмороженных ног после того, как красные гнали его без сапог на расстрел по снегу, когда, уже падая от изнеможения, он был отбит подоспевшим отрядом белых. И опять: кровь, кровь и кровь! Вот какую сплошную муку была жизнь моего сына с девятнадцати до двадцати двух лет. Результатом этого стал припадок бурного умоисступления и гибель Никиты в августе 1921 года... И сколько ещё жертв дала эта бойня белых и красных... Одни погибали вскоре же после Никиты, другие протомились дольше, а многие томятся и по сей день, измученные туберкулёзом, неврастенией, полной инвалидностью и прочими недугами. Число этих страстотерпцев нам не перечесать» (*Эпизод*).

Подтверждением характерности, эпохальности образов является и дальнейшая судьба младшего сына князя Ивана Ивановича, в романе «Васи», наиболее чуткого к неправде и несправедливости, умеющему сострадать всему живому. За «границами романа» о нём известно, что «в одной из парижских газет промелькнуло сообщение о группе белоэмигрантов, пытавшихся перейти советскую границу. Среди убитых в перестрелке упоминается имя Ивана Лобанова-Ростовского». После перестройки нашёлся и документ пресловутой «Тройки» ГПУ, по приговорам которой были расстреляны тысячи тысяч без суда и следствия, о расстреле Ивана Ивановича 3 ноября 1932 г. Удивительно то, что существует и документ о его реабилитации в 1989 г.²

Знал ли Набоков конкретно о князе Лобанове, не знал ли, думаем, что круг белоэмиграции узок, и предположим, что скорее знал. Жажду вернуться на родину, свои ощущения и чувства многих его «товарищей по судьбе» Набоков с высокой эмоциональной достоверностью выразил в романе «Подвиг». Название своей прямолинейностью не характерно для писателя. Он мучительно, шаг за шагом прошёл за своим героем этот путь возвращения в Россию, ибо сам терзался этим желанием и отдал дань глубокого почтения тому, кто наяву решился на это. А сам Набоков в 1927 г., в стихотворении «Расстрел», как бы гениально предугадывая события, писал:

Бывают ночи: только лягу, в Россию поплывёт кровать;
и вот ведут меня к оврагу, ведут к оврагу убивать...

Оцепенелого сознания коснётся тиканье часов,
благополучного изгнания я снова чувствую покров.

Но, сердце, как бы ты хотело, чтоб это вправду было так:
Россия, звёзды, ночь расстрела и весь в черемухе овраг!

¹ Георгиевская Т.В. Петрова М.В. Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд (1605–2012). Тула, Гриф и К, 2013, с.881.

² Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. М., Русский путь, 2010, с. 389.

Продолжением лихорадочной тяги к покинутой родине, неотступность мыслей о воображаемом возвращении вылилась в прозаическое повествование «Подвиг», завершённое, заметим, в 1932 году! По мнению Ивана Толстого¹ один из прообразов Мартына – будущий герой Французского Сопротивления, поэт и ученый Борис Владимирович Вильде, который, по некоторым сведениям, проник в Россию в начале 30-х, вернулся невредимым, был расстрелян нацистами в 1942 г. Одно не противоречит другому. В собирательном образе Мартына – мечты самого Набокова и целого поколения белоэмигрантов. Подчеркнем здесь свойство прозы Веры Дмитриевны — семейная хроника приобретает черты трагической национальной эпопеи, неизбежно переключаясь с темами крупных писателей того времени. Из глухих, но вполне очевидных современному читателю, упоминаний Веры Дмитриевны о боевой белогвардейской организации *Азбука* (по первым двум буквам церковнославянского алфавита), организованной В.В. Шульгиным, каждый член которой был зашифрован под буквой алфавита, понятно, что и она, и члены её семьи были причастны к её деятельности. Возможно, продолжили её и в эмиграции. А также теперь известно, что такого рода организации за границей тотально были «засвечены» внедренными шпионами из ЧК-ГПУ-НКВД, а также предателями из среды белогвардейцев, которым доверяли «свои», а они их передавали, продавали и даже убивали. Исход похода Ивана Ивановича был предreshён. Но вот что важно: мать, наверное, знала, в какое путешествие провожает сына. И тут, «за скобками романа», в так называемом пространстве интертекста, трагедия матери встаёт во весь рост.

Старший сын автора, князь Николай Иванович (в романе — «Саша») перенёс, быть может, ещё более горькие испытания, ибо неизмеримо длительные. В России карьера его начиналась блестяще. Окончив лицей 19-ти лет, он был принят на службу в Министерство иностранных дел и сразу был назначен «атташе миссии в одной из стран, находящихся на пути через Средиземное море» (Гл. 6). Попав в эмиграцию, этот образованный и скромный человек, большой знаток французской культуры, долгие годы работал библиотекарем во Французском институте (Alliance Francaise) в Софии. А в 1944 г. оказался в лагере на острове Белене на Дунае и в течение десятилетия подвергался ежедневным издевательствам и избиениям. «Из лагеря он вышел больным человеком. Я вызвал его во Францию, поместил в Русский инвалидный дом... на юге Франции близ Тулона. Там он и умер», пишет его племянник, Н.Д. Лобанов-Ростовский².

Приходится удивляться его прозорливости грядущего. Вот что сказано им в 1919 г.:

«Храбрецы, как брат Никита и ему подобные, в благородном порыве жертвуют жизнью совершенно напрасно. Рубят щупальца у гидры, а на их месте вырастают новые, и ещё более сильные. Уезжать надо, пока момент благоприятный и подходящий, чтобы не быть застигнутым врасплох, как это случилось с нами в прошлый раз. Видал я все цвета большевистской радуги и знаю, что, при лицемерных вздохах Европы, большее неминуемо проглотит меньшее, и на много лет. А вот поумнеем, да научимся работать и единодушно отстаивать Родину, тогда другое дело, – а тем временем большевистский орех будет раскушен и внутри окажется гниль. Только Россия к тому времени будет в развалинах и придётся строить её вновь» (Гл. 22).

Мы встречаем ряд большевиков — от Фрунзе до неизвестных ныне, нерасшифрованных персонажей. Узнаём неведомые доселе эпизоды, как, например, личная встреча героини с Фрунзе. Роман открывает нам факты, которых до сих пор мы не встречали ни в каких документальных свидетельствах. Так, описан конец страшного монстра революции — «товарища Розы», палача Киевского ЧК начала 1920-х. О её страшных поступках сегодня известно довольно много, однако только Вера Дмитриевна открывает тайну её закономерной гибели.

Важно и то, что мы видим не только широкую историческую панораму, но детальные исторические уточнения с конкретными цифрами, данными, датами, например:

«Крестьяне смотрели в то время на царские деньги, как на единственную ценную валюту: они клали её в бутылки, смолили и закапывали. Французский франк уже котировался в тысячу советских рублей. За два с половиной года моего пребывания в Одессе рубль обесценился в тысячу раз» (Гл. 27).

Глубина суждений в романе-эпопее, многогранность и детальность отражённых событий, бесспорно, ставят это произведение в первом ряду вновь открытой «неизвестной русской прозы».

¹ Двойник Мартына. / «Книги с ключом». Исторические путешествия Ивана Толстого на канале «Культура».

² Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. с. 383.